

Пугачева Элли Владимировна

СМЫСЛОВЫЕ ВАРИАЦИИ КРАСОТЫ В СТИХОТВОРЕНИЯХ АННЫ АХМАТОВОЙ

В статье представлена выборка слов, характеризующая Красоту в стихотворениях Анны Ахматовой как по объективным показателям, так и в индивидуально-авторском видении действительности. С применением контекстуального способа установлено, что в стихотворениях поэта в пять раз больше субъективных характеристик Красоты, по сравнению с общепринятыми объективными представлениями о прекрасном, что значительно расширяет изобразительную палитру созданных сюжетов и образов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/1-2/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. II. С. 172-175. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье представлена выборка слов, характеризующая Красоту в стихотворениях Анны Ахматовой как по объективным показателям, так и в индивидуально-авторском видении действительности. С применением контекстуального способа установлено, что в стихотворениях поэта в пять раз больше субъективных характеристик Красоты, по сравнению с общепринятыми объективными представлениями о прекрасном, что значительно расширяет изобразительную палитру созданных сюжетов и образов.

Ключевые слова и фразы: контекстуальный способ; оксюморон; художественный образ; мотив; подтекст; сюжет; символ; эпитет; метафора; сравнение.

Пугачева Элли Владимировна

*Сибирский государственный индустриальный университет
elle_m@rambler.ru*

СМЫСЛОВЫЕ ВАРИАЦИИ КРАСОТЫ В СТИХОТВОРЕНИЯХ АННЫ АХМАТОВОЙ[©]

На протяжении всего исторического времени человечество стремится познать истину Красоты. Она многолика и в полной мере непостижима, так как давно перешла в разряд «вечных» ценностей.

В настоящее время, характеризующееся всеобщим кризисом, переоценкой догм и традиций, возникает целесообразность углубиться в опыт минувшего столетия, например, в эпоху двадцатых годов. На рубеже XIX-XX веков интеллигенция была окружена хаосом разрушения сознания и быта, который ощущается в зыбкости литературных тем и образов. Переходный этап способствовал поиску Красоты, гармонии и покоя в мире. Несмотря на замечание Л. Н. Толстого, что для точного осмысления художественного творчества необходимо «откинуть путающее все дело понятие красоты» [13, с. 166], Н. О. Лосский видел внутреннюю красоту не только в человеке, но и в природе, и в любых творениях, поскольку «...никакая природно-объективная упорядоченность..., никакие объективные цветовые или звуковые соотношения сами по себе не выступают в качестве красоты. Ибо, во-первых, симметричное, пропорциональное, соразмерное – вовсе не обязательно красиво. А, во-вторых, о красоте вообще не может быть и речи, если нет того, кто способен ее воспринять и оценить» [Цит. по: 3, с. 45]. Так, находясь на перепутье, человечество до сих пор не осознало и не обрело абсолютного счастья и год за годом ищет ответ на вопрос: «Что же такое Красота?»

В данном исследовании автор предлагает расшифровать Красоту в творчестве «наиболее значительного поэта» (по мысли В. М. Жирмунского) [5, с. 373] серебряного века – А. А. Ахматовой, основываясь на текстуальном анализе ее стихотворений.

В работе М. Кузмина «О прекрасной ясности» [8] выделяется многослойность образной символики А. Ахматовой, поэтому, на наш взгляд, в правильно расставленных акцентах тематики стихотворений кроется разгадка миропорядка и философии жизни современности.

В продолжение исследования Красоты в творчестве А. Ахматовой, представляется целесообразным выявить индивидуально-авторское представление о прекрасном. Для достижения поставленной цели использован количественный анализ эпитетов и сравнений, которые с закономерной частотой используются поэтом, что позволяет говорить о сформированной авторской картине мира Анны Андреевны в восприятии Красоты. Выборка указанных характеристик (Первого тома Собрания сочинений в 6-ти томах А. Ахматовой) проведена автором ранее [11]. В настоящем исследовании предлагается уточненный спектр преобразований Красоты, основанный на всех стихотворных произведениях за исключением поэм. Автором установлено, что поэт раскрывает «два основных типа Красоты:

- внешние (зрительные, слуховые и физические) компоненты;
- «метафизические» компоненты, наполненные абсолютной гармонией духа и тела, концентрирующиеся на божественном восприятии прекрасного» [12, с. 114].

Анализ осуществлялся контекстуальным способом: при исследовании каждого стихотворения А. Ахматовой, помимо объективных факторов, выявлялись субъективные определения прекрасного. Это позволило выбрать два критерия оценивания индивидуально-авторского восприятия Красоты:

- простые характеристики, которые при ином контексте не включались бы автором, в описание прекрасного (ангельский, бархатистый, бездонный, благовонный, благодатный, блещущий, величавый, воздушный, великолепный, волшебный, дивный, душистый, загадочный, зачарованный, искрящийся, крылатый, ласковый, легчайший, лучезарный, могучий, нарядный, невиданный, необозримый, необычайный, нерушимый, ослепительный, пламенный, праздничный, преображенный, прозрачный, пышный, свежий, светлый, священный, сказочный, таинственный, томный, тонкий, торжественный, узорный, царственный, цветной, чистый, чудесный, чудотворный, юный, ясный и др.);

- составные, которые выходят за границы общепринятого понятия Красоты, объединяя порой несовместимые прилагательные. Например, «ароматно-легкий», «бессвязно-звонкий», «бессвязно-легкий», «беспомощно-туманный», «благодно-звонкий», «весело-сухой», «душисто-смоляной», «душисто-снежный», «жгуче-голубой»,

«загадочно-трепетный», «любовно-кроткий», «матово-бледный», «млеющее-зеленый», «нарядно-обнаженный», «нежно-ледяной», «неожиданно покатый», «обманно-стыдливый», «печально-благодарный», «печально-нем», «прозрачно-лучистый», «просветленно-злой», «равнодушно-желтый», «робко-нежный», «сладостно покат», «спокойно-юный», «стыдливо-замкнутый», «томно-порочный», «тускло-голубой» и др.

Замечено, что частота употребления объективной Красоты в стихотворениях А. А. Ахматовой в пять раз меньше, чем субъективной, что подтверждает гипотезу о расширении пространства прекрасного в образах и сюжетах поэта [Там же].

Лирическая героиня А. Ахматовой растворяется в энергии мира, «сама природа располагает к этому: человек в ней живет —посредине» — между двух отдельных друг от друга бездн — землей и небом; в таком —положении» он наиболее остро ощущает очарование мира: *—В синем небе месяц рыжий. / Луг так сладостно покат»* [9, с. 11]. При описании формы луга Ахматова использует определение «сладостно покат», которое приравнивается к «красиво».

В созданных картинах нет повторений, используемая палитра и сопутствующие описания героев, предметов и тонов напрямую связаны с эмоционально-психологическим состоянием действующих лиц. Много читается без уточнений. Так, при использовании размытых, неярких красок формируется особое настроение: *«Золотая голубятня у воды, / Ласковой и млеющее-зеленой...»* и далее: *«Как на древнем выцветшем холсте, / Стынет небо тускло-голубое»* [2, т. 1, с. 100]; или: *«Среди неба жгуче-голубого / На арычное ложиться дно...»* [Там же, т. 2, ч. 1, с. 75]. Высокохудожественный вкус в выборе эпитетов и сравнений придает индивидуальность в описании вещей и живых существ. А. Ахматова достаточно четко расставляет акценты. Фразы звучат во внутренней речи, а все прослеживающееся действие становится реальным. При этом ощущается баланс образов и символов в каждом стихотворении и даже цикле поэта.

Изысканная манера А. Ахматовой описывать окружающий мир представляется крупным материком в ее тематической парадигме. Поэтический строй уместно формируется в предметном мире на Земле и в небесном пространстве среди метафорических идей и символов: *«Посмотри! На пальце безымянном / Так красиво гладкое кольцо»* [Там же, т. 1, с. 61] или: *«Чуть гроза на запад прячется / И настанет тишь чудесная...»* [Там же, с. 345]; *«В душистой тиши между царственных лип / Мне мачт корабельных мерещится скрип...»* [Там же, т. 2, ч. 2, с. 7] или: *«Невиданной сказочной ширмой / Соседний мерещится край, / И стаи голубок над Бирмой / Летят в нерушимый Китай...»* и далее: *«Но близится светлая эра / К навеки священным местам»* [Там же, ч. 1, с. 74].

Анну Андреевну нельзя назвать излишне романтической или символичной, хотя «приверженность к бытовому, психологическому, зримым деталям и беспредельность поэтического подтекста — развивались в гармоническом единстве, подчиняясь требованиям пушкинского поэтического реализма — правде чувств» [10, с. 166]. Подтверждением сказанного служит стихотворение «Царскосельская статуя» — образец соединения совершенства культурных традиций и литературы.

Наиболее показательна концовка: *«Смотри, ей весело грустить, / Такой нарядно-обнаженной»* [2, т. 1, с. 274]. «Поэтические оксюмороны —нарядно-обнаженной», —весело грустить» подспудно обнаруживают мысль о жизненной стойкости, независимости от —материального» мира. Присутствующая одухотворенность —вещного» мира —и образный строй действительности» был плацдармом, где велась борьба за приближение русской поэзии к принципам глубокого поэтического реализма» [9, с. 13].

Мастерски подбирая метафоры и сравнения А. А. Ахматова представляет частности в гармоничном сочетании с основными тематическими объектами композиции стихотворения. В данном контексте прилагательное «нарядно-обнаженной» предлагается рассматривать в двух аспектах. Во-первых, как авторская находка в создании описания, во-вторых, как одна из характеристик Красоты.

Несломленная поэтесса XX века невольно формирует имидж русской женщины, которой «...ведомы начала и концы, / И жизнь после конца...» [2, т. 2, ч. 1, с. 108]. Жертвенность Анны Ахматовой не только в творчестве, но и в жизни придает ей особый колорит и доверительность к окружающим: *«Я вижу все. Я все запоминаю...»* [Там же, т. 1, с. 81]; *«Затем что воздух был совсем не наш, / А как подарок Божий так чудесен...»* [Там же, с. 171]; *«Творится и новый и радостный мир / Титанами воли — простыми людьми...»* [Там же, т. 2, ч. 1, с. 166]; *«Жрицами божественной бессмыслицы / Назвала нас дивная судьба...»* [Там же, т. 1, с. 336]; *«Слагаю я веселые стихи / О жизни тленной, тленной и прекрасной»* [Там же, с. 98].

Это пристальное взглядывание, чуткое вслушивание, острое осознание пространства мира позволили поэту подняться над сугубо личными проблемами и выйти к общечеловеческим ценностям, постигнув их сакральную глубину.

В стихотворении *«И лебедь, как прежде, плывет сквозь века, / Любуясь красой своего двойника»* [Там же, т. 2, ч. 2, с. 7] — вечен мир, вечна Красота, вечно то, что передается опытом поколений. Это и радует героиню, и тревожит, напоминая ей о быстротечности жизни. Возможно поэтому все отчетливее звучит мотив ухода.

Атмосферу Красоты А. Ахматова формирует из событий и переживаний лирической героини, которая, по утверждению И. Анненского, «симулирует страдание». В творчестве же «отрицательная, болезненная сила муки уравновешивается... силой красоты, в которой заключена возможность счастья» [1, с. 227], в том числе и в любви.

Любовь в лирике А. Ахматовой — «чувство живое и подлинное, глубокое и человеческое, хотя в силу реальных жизненных обстоятельств обычно тронутое печалью облагораживающего страдания» [4, с. 245]. Лирическая героиня многолика: подобно змее — *«Как и я, такая же ленивая / И холодная, как я...»* [2, т. 1, с. 43], *«То змейкой, свернувшись клубком, / У самого сердца колдует...»* [Там же, с. 80] *«равнодушно смотрит»* на события, вещи и

оттенки лишь иногда показывая «змеиное острое жало», а порой «птичьим голосом» [Там же, с. 92] кличет любовь, «на белом окошке воркует...» [Там же, с. 80]. Она осознает, что тает день ото дня «словно тонкая свеча» [Там же, с. 43], «...как кукушка в часах» [Там же, с. 59], хотя появление сказок чудесных помогает пережить тягостные времена среди мертвых, немых образов, где «открывает объятья под кленом, / таинственный граф» [Там же, с. 47]. Переживания героини приобретают всеобъемлющий размах: «Не для страсти, не для забавы, / Для великой земной любви» [Там же, с. 260] или «И в тайную дружбу с высоким, / Как юный орел темноглазым, / Я, словно в цветник предосенний, / Походкою легкой вошла. / Там были последние розы, И месяц прозрачный качался...» [Там же, с. 301], она не многословна и точна в описании чувств и эмоций: «О, как ты красив, проклятый!» [Там же, с. 115]. «Боль разлуки, неудовлетворенность минутным счастьем всегда связаны у нее с высокой требовательностью...» [4, с. 246] к чувствам: «Прощай, прощай, будь счастлив, друг прекрасный, / Верну тебе твой сладостный обет» [2, т. 1, с. 364].

И все же, великая земная любовь – прекрасна и многолика. В контексте стихотворений, прилагательные «великий», «юный», «последний», «прозрачный» приравниваются к «прекрасный», раскрывая еще одну грань Красоты. В свою очередь, «сладостный» употребляется не в свойственном ему значении, что во многом расширяет границы описания, однако, в данном контексте не несет эстетической нагрузки, как, например, в уже упоминавшемся сочетании «сладостно покат», поэтому автором не учитывается, как категориальный признак Красоты.

Специфика преломления философских тем в бытовых описаниях представляет микрокосм идейных сюжетов, из которых складывается образная картина мира поэта: «О, знала ль я, когда, томясь успехом, / Я искала дивную Судьбу...» [Там же, с. 410]; «Войду ли я под свод преображенный..., / Там стану я блаженною навеки...» [Там же, с. 404]; «Но клянусь тебе ангельским садом, / Чудотворной иконой клянусь / И ночей наших пламенным чадом – / Я к тебе никогда не вернусь» [Там же, с. 453]; «Глубь прозрачных июльских небес, – / И так близко подходит чудесное / К развалившимся грязным домам...» [Там же, с. 351]. Точное описание жестов, движений, ощущений и картин, создает трудноуловимую грань между внешне-событийным планом и метафизическим, именно поэтому художественный образ А. Ахматовой «всегда прозрачен, отчетлив и в то же время не расшифрован» [7, с. 149]. При этом образы в ее творчестве несут не только прямой эстетический смысл, но и сугубо экспрессивно-символический подтекст, представляющий собой многофункциональную структуру. Помимо повторения отдельных синонимических пар, наблюдаются признаки, на первый взгляд, тематически не схожие с действием, трансформирующиеся в категориальные характеристики прекрасного, объединяя контекст и сюжет стихотворения.

Из сказанного следует, что создание Красоты во всем и есть основное предназначение поэта, где каждое слово несет конкретное значение, сплетаясь воедино, образуя целостную картину явлений, образов, предметов. Ибо, «прекраснейшая же из связей такая, которая в наибольшей степени единит себя и связуемое» [6, с. 51].

В выполненном исследовании автором доказывается многоликость субъективных характеристик Красоты в поэзии Анны Ахматовой, что значительно расширяет и обогащает привычный анализ прекрасного в литературоведении, базирующийся на художественно-образных, философских и искусствоведческих понятиях. Так, помимо общепринятых названий Красоты (краса, красавица, красотка, красивый, красиво, красив, красуется, прекрасный) используются и метафорические сравнения. Поэтому индивидуально-авторское видение Красоты у А. Ахматовой в пять раз больше, по сравнению с объективным описанием предметов, героев, окружающей действительности и внутреннего содержания символов и характеристик.

Таким образом, Красота в стихотворениях А. Ахматовой представляет собой значительный фактор мироощущения, сформированный в разнообразных изобразительно-выразительных пластах культуры. Обозначенные смысловые слои Красоты, проникая друг в друга, обнаруживают кольцевую слитность объективного и субъективного в поэтическом стиле А. Ахматовой.

Список литературы

1. Анненский И. Ф. Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1987. 272 с.
2. Ахматова А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Эллис Лак, 1998.
3. Большаков В. П. Ценности культуры и время (некоторые проблемы современной теории культуры). Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002. 112 с.
4. Жирмунский В. О творчестве Анны Ахматовой // Новый мир. 1969. № 6. С. 240-251.
5. Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. СПб.: Азбука-классика, 2001.
6. История Красоты / под ред. Умберто Эко; пер. с итал. А. А. Сабашниковой. М.: СЛОВО/SLOVO, 2005. 440 с.
7. Колобаева Л. И мужество и женственность (о своеобразии лиризма Анны Ахматовой) // Литературная учеба. 1980. № 1. С. 147-150.
8. Кузмин М. О прекрасной ясности // Апполон. 1910. № 4. С. 5-10.
9. Малюкова Л. Н. О некоторых особенностях философской лирики А. Ахматовой // Ахматовские чтения: сборник научных работ / Тверской гос. университет. 1991. С. 10-17.
10. Озеров Лев. Поэт и Бег времени // Нева. 1968. № 8. С. 165-171.
11. Пугачева (Мельникова) Э. В. Красота, как «вечный образ», в сущностном постижении мира А. А. Ахматовой // Вестник РАЕН (ЗСО). 2009. № 11. С. 245-248.
12. Пугачева Э. В. Объективно-субъективная концепция Красоты в поэзии А. А. Ахматовой // Вестник ЧелГУ. Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 51. № 8 (223). С. 112-114.
13. Толстой Л. Н. Что такое искусство? М.: Современник, 1985. 593 с.

SEMANTIC VARIATIONS OF BEAUTY IN POEMS BY ANNA AKHMATOVA

Pugacheva Elli Vladimirovna
Siberian State Industrial University
elle_m@rambler.ru

The article presents a selection of words to describe Beauty in the poems by Anna Akhmatova both according to objective indicators and the author's individual vision of reality. It is ascertained by means of contextual method that in the poems by the poet there are five times more subjective descriptions of Beauty in comparison to generally accepted objective ideas about Beauty, and it considerably expands a figurative palette of the created plots and images.

Key words and phrases: contextual method; oxymoron; artistic image; motive; subtext; plot; symbol; epithet; metaphor; simile.

УДК 8; 811.161.1

Филологические науки

В статье дается сжатая характеристика нескольких средств языковой выразительности, использованных в детских рассказах елабужского прозаика С. Т. Романовского. Отмечается, что образ природы, освещаемый с наивной точки зрения юного читателя, в рассказах предстает как живое существо; «детскости» текстов, особому их восприятию способствует также и речь персонажей, насыщенная элементами просторечной лексики и эмоционально окрашенными сравнениями.

Ключевые слова и фразы: текст; детские рассказы; средства языковой выразительности; эпитеты; олицетворение; просторечная лексика.

Салимова Дания Абузаровна, д. филол. н., профессор
Казанский федеральный университет
daniya.salimova@mail.ru

**СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
В ДЕТСКИХ РАССКАЗАХ С. Т. РОМАНОВСКОГО[©]**

Настоящая работа посвящена описанию изобразительно-выразительного потенциала отдельных лексико-грамматических средств в детских рассказах С. Т. Романовского, автора – нашего земляка, языковое творчество которого представляет собой историко-культурную ценность не только для нашего Прикамского региона, но и всего общероссийского пространства. В наше время, когда нравственное воспитание молодого поколения, особенно детей школьного возраста, становится задачей государственной, актуальность исследований, связанных с восприятием детьми различных текстов, мотивируется вдвойне.

Можно утверждать: исследование языка детских рассказов непосредственно связано и с относительно новым в науке о человеке направлением – с онтолингвистикой. В свое время в России пристальное внимание вопросам детской литературы уделяли выдающиеся писатели М. Горький, К. И. Чуковский и С. Я. Маршак, критик В. Г. Белинский. Анализом детской литературы занимались такие ученые как В. Пропп, Ю. Лотман, Р. Раскин, Л. Карасев, В. Карасик, Л. В. Долженко, а также их зарубежные коллеги Д. Кристал, И. Норрис, В. Нэш и др.

Однако стоит заметить, что вопрос специфики языка произведений детской литературы в настоящее время в лингвистике всё же изучен недостаточно. В научной литературе встречаются лишь отдельные статьи, посвящённые частным вопросам онтолингвистики и анализу некоторых языковых средств детских произведений [1].

Интерес к изучению художественной литературы вообще и к средствам создания выразительности и образности в художественных текстах в частности никогда не ослабевал. А язык, поэтика произведений С. Романовского только еще начинают изучаться. Проблемы языковой креативности, «творческой» функции языка, особенно анализ языка художественного текста, целостная его интерпретация находятся в центре внимания лингвистов уже несколько десятилетий. В чем «тайна» воздействия рассказов данного писателя на юного читателя, какова роль в этом речевой ткани произведения, в чем специфика художественной речи в отличие от других видов речи – все эти вопросы представляют огромный интерес и для языковедов, и для литературоведов, и для психологов. Актуальность и перспективность исследуемой темы обусловлена также тем, что в XXI веке литературоведов и языковедов с точки зрения новых научных парадигм заинтересовали произведения писателей о «малой родине», к которым, несомненно, относятся и все тексты С. Т. Романовского. «С. Т. Романовский как автор, творчество которого еще не получило должного лингвистического описания» [3, с. 5], интересен нам как в плане вектора региональной лингвистики, так и в целом в плане речевой реализации средств выразительности русского языка в текстовом поле, адресованном на юного читателя. В статье анализируются детские рассказы С. Т. Романовского разных лет [2].